

Саеро

**Эхо
нулевого
дня**

18+

Саеро

Эхо нулевого дня

«Автор»

2026

Саеро

Эхо нулевого дня / Саеро — «Автор», 2026

Артём просыпается с привкусом пепла во рту и запиской: «Сегодня ты умрёшь в 14:17». Каждый новый рассвет возвращает его в тот же день, где смерть неизбежна, а правила меняются. В этом замкнутом осколке реальности, названном Нулевым днём, он встречает Лию — девушку с чёрными ногтями, которая умерла уже сорок два раза. Между ними вспыхивает чувство, рождённое в пепле и страхе. Вместе с ещё пятью застрявшими они ищут выход, но система требует настоящую жертву. Любовь становится и спасением, и опаснейшей ловушкой. Когда Артём оказывается снаружи и получает роль якоря, он решает вернуться за Лией, чтобы сломать эхо навсегда. Остросюжетный любовно-фантастический роман о цене свободы, о том, как далеко можно пойти ради другого человека, и о том, что даже трещина в реальности не сильнее двух людей, держащихся за руки. Эхо не замолкает. Но они выбирают жить.

© Саеро, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Эхо нулевого дня

Глава

ЭХО НУЛЕВОГО ДНЯ

любовно-фантастический остросюжетный роман

—

Глава Пролог

Пепел

В ту ночь небо над городом треснуло.

Никто этого не заметил. Ни полиция, ни астрономы, ни даже те, кто не спал и смотрел в окна. Трещина была невидимой. Она прошла сквозь ткань реальности, как лезвие сквозь шёлк, и оставила после себя лишь странный привкус на языке у тех, кому суждено было оказаться внутри.

Привкус пепла.

Город продолжал жить. Машины ездили, люди ссорились, целовались, умирали обычными смертями. Но один-единственный день — тот самый, который позже назовут Нулевым, — застрял. Как заноза. Как эхо, которое не хочет замолкать.

И семеро человек проснулись в этом эхе.

Они ещё не знали, что любовь может стать и ключом, и клеткой. Что смерть внутри дня — лишь репетиция. Что настоящая цена выхода измеряется не временем, а тем, кого ты готов оставить позади.

Артём узнал это первым.

Или последним. В Нулевом дне это почти одно и то же.

Глава 1

Пепел на языке

Артём проснулся с привкусом пепла во рту.

Не метафорой. Настоящим. Серым, сухим, как будто он всю ночь жевал сигаретный фильтр и запивал его водой из лужи. Комната была его — та самая, на шестом этаже хрущёвки у самой окраины, с трещиной на потолке в форме кривой буквы «Г» и холодильником, который начинал гудеть ровно в три часа ночи. Но на подоконнике лежала чёрная перьевая ручка, которой у него никогда не было.

Он сел. Голова не болела. Сердце билось ровно, даже слишком ровно. Только этот пепел. Он сглотнул, и пепел будто осел глубже, в лёгких.

На столе лежала записка. Написанная его собственным почерком — тем самым, которым он подписывал договоры и писал списки покупок:

Сегодня ты умрёшь в 14:17.

Не пытайся это изменить.

Просто смотри.

Артём усмехнулся. Хорошая шутка для похмелья, которого не было. Он пошёл на кухню, налил воды из-под крана, выпил залпом. Вода имела тот же вкус — пепел и что-то металлическое, будто кровь на зубах после удара.

Он посмотрел в зеркало. Лицо обычное. Тёмные круги под глазами, щетина, которую он собирался сбрить ещё вчера. Вчера... Он нахмурился. Вчерашний день помнился странно — обрывками, как сон, который ускользает.

В 14:17 он стоял на пешеходном переходе возле станции. Светофор горел зелёным. Женщина с детской коляской уже ступила на дорогу, каблуки стучали по асфальту. Артём обернулся на какой-то звук — и увидел, как из-за угла вылетает белый фургон. Без тормозов. Без звука сирены. Просто скорость и металл.

Он успел только сделать полшага в сторону. Женщина закричала. Коляска отъехала в сторону сама, будто кто-то толкнул её.

Удар. Металл. Стекло. Запах бензина и крови. Боль, которая не успела стать болью — она сразу стала темнотой.

Потом — снова пепел во рту.

Он открыл глаза в той же комнате. Та же ручка на подоконнике. Та же записка. Только внизу приписано другим почерком — тонким, почти женским, с лёгким наклоном:

Ты уже был здесь.

Вчера ты умер в 14:17.

Сегодня умрёшь в 09:42.

Артём вскочил так резко, что стул опрокинулся. Сердце колотилось, как после долгого бега. Он схватил телефон. Дата та же. Утро того же дня. Никаких пропущенных звонков. Никаких сообщений. Батарея — семьдесят процентов, как всегда по утрам.

Он выбежал из квартиры в 08:50. Не стал ждать. Сел в первое попавшееся такси и бросил водителю адрес на другом конце города — в парк, где никогда не бывал. Сел на скамейку под старой липой и ждал, глядя на часы.

В 09:42 с неба упал кусок арматуры. С соседней стройки. Прямо в темя. Звук был странным — глухим, почти мягким. А потом снова темнота и пепел.

Глава 2

Правила, которых нет

К четвёртому дню Артём перестал пытаться спастись бегством.

Он начал записывать. Каждое утро — новая записка. Время смерти менялось. Способ — никогда не повторялся. Один раз его зарезали в лифте молчаливым человеком в капюшоне. Другой — утопили в ванной, хотя он даже не подходил к воде: просто оказался там, и вода сама поднялась. Третий — сердце остановилось само, когда он сидел в кафе и пил кофе, который даже не успел остыть.

Он понял три вещи, которые выцарапал на внутренней стороне запястья шариковой ручкой, чтобы не забыть:

1. Смерть неизбежна в указанное время.
2. Он всегда возвращается в одно и то же утро.
3. Кто-то оставляет ему записки. И этот кто-то знает больше.

На седьмой день в записке появилось новое предложение. Почерк снова был чужим — тем самым тонким, женским:

Ты не один.
Есть ещё шесть.
Один из них уже понял, как выйти.

Артём впервые почувствовал не страх. Любопытство. Холодное, острое, как лезвие. Он сидел на подоконнике, держал в руках чёрную перьевую ручку и думал: если есть выход, значит, кто-то его уже нашёл. Значит, правила можно сломать.

Он начал искать следы. Вспоминал лица прохожих, номера машин, запахи. Всё, что могло повториться. И на девятый день, в 11:03, когда по расписанию он должен был погибнуть от отравления в столовой, Артём вместо этого сел в метро и поехал на конечную станцию.

Там, на пустой платформе, под мигающими лампами, стояла девушка в чёрном плаще. Ногти — чёрные, матовые. В руках — такая же перьевая ручка, как у него на подоконнике. Она смотрела прямо на него, будто ждала.

— Ты тоже просыпаешься с пеплом? — спросила она спокойно, без удивления.

Артём кивнул. Горло пересохло.

Она улыбнулась уголком рта. Улыбка была усталой и чуть горькой.

— Меня зовут Лия. Я умерла уже сорок два раза. Ты — только девять. Добро пожаловать в Нулевой день.

Глава 3 Шестеро

Их действительно было семеро.

Лия. Бывший хирург, которая однажды не смогла спасти пациента на операционном столе и с тех пор не могла спасти даже себя. У неё были руки с тонкими пальцами и взгляд, который видел слишком много.

Максим — программист, который видел код мира и пытался его взломать. Высокий, нервный, с вечными тёмными кругами и привычкой постукивать пальцами по любой поверхности, будто печатал невидимый текст.

Старик по имени Григорий, который помнил больше всех и почти ничего не говорил. Седые волосы, глубокие морщины, глаза цвета старого янтаря. Он сидел в углу заброшенного кинотеатра и курил сигареты, которых никто не видел, как он достаёт.

Две девушки-близнецы — Аня и Катя. Они умирали всегда вместе. Одинаковые лица, одинаковые чёрные куртки, одинаковый способ смотреть сквозь людей. Разница была только в том, что Аня улыбалась чуть чаще, а Катя носила на шее тонкую серебряную цепочку с маленьким ключиком.

И Артём.

Каждый день они встречались в одном и том же месте — заброшенном кинотеатре на окраине, где время как будто замедлялось. Там записки не появлялись. Там можно было говорить.

Лия объяснила правила, насколько они вообще существовали:

— Мы застряли в одном дне. Не в петле времени в привычном смысле. А в... ошибке. Кто-то когда-то попытался стереть этот день из реальности. Но стёр не до конца. Остался осколок. И мы — внутри него. Эхо того, что должно было исчезнуть.

Максим добавил, размахивая руками:

— Каждый раз, когда мы умираем, система перезапускает день. Но кто-то из нас постепенно накапливает память. Поэтому мы помним. Чем дольше ты внутри, тем больше помнишь. Лия — рекордсменка.

Григорий впервые заговорил. Голос был низким, как будто шёл из глубокого колодца:

— Выход есть. Но цена высокая.

Все посмотрели на него. Даже близнецы перестали перешёптываться.

— Какая? — спросил Артём.

Григорий затаился невидимой сигаретой и ответил:

— Один из нас должен умереть по-настоящему. Не внутри дня. А так, чтобы его смерть «закрепилась» снаружи. Тогда осколок реальности закроется. И остальные выйдут.

Тишина повисла тяжёлая. Аня сжала руку сестры. Катя смотрела в пол. Максим нервно усмехнулся.

— Красивая теория. А доказательства?

Григорий только пожал плечами.

Лия сидела рядом с Артёмом. Её плечо почти касалось его. Он чувствовал тепло сквозь ткань плаща. И впервые за все эти смерти подумал, что хотел бы, чтобы это тепло осталось.

Глава 4

Чёрные ногти

Они начали встречаться чаще. Не только в кинотеатре. Лия находила его в разные часы — до смерти, после смерти, в те короткие промежутки, когда казалось, что день ещё можно прожить.

Однажды они сидели на крыше старого дома. Ветер трепал её волосы. Артём смотрел на чёрные матовые ногти и вдруг спросил:

— Почему чёрные?

Лия посмотрела на свои руки.

— Чтобы не забывать. Каждый раз, когда я умираю, я крашу их заново. Это якорь. Маленький ритуал. Если ногти чёрные — значит, я всё ещё здесь. Значит, ещё не сдалась.

Артём молчал. Потом протянул руку и осторожно коснулся её пальцев. Она не отстранилась.

— Сколько раз ты пыталась выйти? — спросил он.

— Сорок два. И ни разу не получилось. Каждый раз кто-то другой умирал «по-настоящему». Или казалось, что умирал. А потом всё начиналось снова. Только я помнила всё больше.

Она повернула к нему лицо. В сумерках глаза казались почти чёрными.

— А ты? Ты уже думаешь, кто должен стать этим «одним»?

Артём покачал головой.

— Пока нет. Но я думаю о другом. О том, что если выход существует, то, может быть, есть способ выйти всем. Без жертв.

Лия тихо рассмеялась. Смех вышел горьким.

— Ты ещё новый. У тебя ещё есть надежда. Это мило. И опасно.

Она наклонилась ближе. Артём почувствовал запах её волос — что-то цветочное и одновременно пепельное, как весь этот день.

— Если будешь надеяться слишком сильно, — прошептала она, — система это заметит. Она не любит тех, кто пытается сломать правила красиво.

Потом она поцеловала его. Коротко, почти осторожно. Губы были тёплыми. Артём замер. Внутри что-то треснуло — не больно, а будто открылась дверь, которую он давно не замечал.

Когда она отстранилась, на её губах остался лёгкий серый след. Пепел.

— Теперь ты тоже отмечен, — сказала Лия. — Осторожнее.

Глава 5

Цена

На двенадцатый день (по счёту Артёма) Григорий исчез.

Просто не проснулся вместе с ними. В кинотеатре на его месте лежала записка. Написанная уже знакомым тонким почерком:

Один уже вышел.
Осталось шестеро.
Теперь очередь кого-то другого.

Максим взорвался.

— Он сам это сделал! Старик сам себя «закрепил»! Или кто-то помог ему. Кто-то из нас! Близнецы молчали. Аня смотрела в пол. Катя крутила цепочку с ключиком.

Лия стояла у окна и курила настоящую сигарету — редкость в этом дне. Дым уходил в трещину в стекле.

— Может, он действительно вышел, — тихо сказала она. — Может, цена была заплачена.

Артём подошёл к ней.

— Ты веришь?

— Я хочу верить. Но я слишком долго здесь, чтобы верить легко.

Они остались вдвоём, когда остальные разошлись. Лия прислонилась спиной к стене.

Артём стоял напротив, почти касаясь.

— Если выход требует жертвы, — сказал он, — я не хочу, чтобы это была ты.

Лия подняла глаза.

— А ты? Ты готов стать этой жертвой?

Он молчал слишком долго. Потом ответил честно:

— Не знаю. Раньше — да. Сейчас... у меня появилось, за что держаться.

Она протянула руку и коснулась его щеки. Пальцы были прохладными.

— Это и есть самая большая опасность, Артём. Когда появляется, за что держаться, система начинает играть жёстче.

В ту ночь (если это можно было назвать ночью) они остались в кинотеатре. Лежали на старых креслах, накрывшись её плащом. Артём слушал её дыхание и думал, что впервые за все эти смерти ему не хочется, чтобы утро наступило слишком быстро.

А когда наступило, записка на столе у него дома была короче обычного:

Сегодня умрёшь в 16:05.

И она — тоже.

Артём похолодел.

Глава 6

Двойная смерть

Они пытались разделиться. Лия уехала на север города, Артём — на юг. Но время шло одинаково. В 16:05 Артём стоял на мосту и видел, как машина, которая должна была его сбить, вдруг развернулась и уехала в другую сторону. В ту же секунду где-то далеко раздался взрыв.

Он узнал позже: Лию «убило» обрушение старого склада. А его — внезапный сердечный приступ на мосту. Система не любит, когда её пытаются обмануть разделением.

Они проснулись одновременно. В кинотеатре. Лия сидела на полу, обхватив колени. Глаза были красными.

— Она связала нас, — прошептала Лия. — Теперь наши смерти синхронизированы. Если один умирает — второй тоже. Красивый ход.

Артём сел рядом. Обнял её. Она не сопротивлялась. Просто уткнулась лицом в его плечо.

— Значит, теперь мы либо выходим вместе, либо остаёмся вместе, — сказал он.

— Или умираем по-настоящему вместе, — добавила она. — Что, в общем-то, тоже вариант.

Максим пришёл позже. Выглядел он хуже обычного.

— Я почти взломал, — сказал он без предисловий. — Есть способ переписать время смерти одного из нас на «вечность». То есть сделать так, чтобы человек умер внутри дня... и больше не вернулся. Настоящая смерть. Но для этого нужен... якорь. Кто-то, кто уже почти снаружи.

Лия подняла голову.

— Григорий?

— Возможно. Или кто-то ещё. Я не уверен. Но если мы найдём якорь, мы сможем выбрать, кто останется.

Артём почувствовал, как Лия напряглась в его объятиях.

— А если якорь — это один из нас? — спросила она.

Максим пожал плечами.

— Тогда придётся решать.

Глава 7

Предательство

На тридцать первом дне (по счёту Артёма) Максим предложил план.

Он якобы нашёл способ «переписать» время смерти. Нужен был только доброволец. Или не совсем доброволец.

Лия была против. Артём колебался. Близнецы молчали слишком подозрительно.

Ночью Максим пришёл к Артёму в квартиру. Без стука. Просто оказался в комнате, когда Артём сидел у окна.

— Ты самый новый, — сказал Максим тихо. — У тебя меньше всего памяти. Меньше всего привязанностей. Ты идеальный кандидат. Лия тебя отпустит. Она уже отпускала других.

Артём медленно встал.

— Ты предлагаешь мне стать жертвой.

— Я предлагаю всем остальным выйти. Включая её. Разве ты не этого хочешь?

Артём посмотрел на чёрную ручку на подоконнике. Потом на Максима.

— А если я откажусь?

Максим улыбнулся. Улыбка вышла кривой.

— Тогда система выберет сама. И, скорее всего, выберет её. Она слишком долго здесь. Слишком много помнит. Система не любит тех, кто накапливает слишком много.

Артём шагнул ближе.

— Ты врёшь.

— Проверь. Завтра утром. Если я прав — в записке будет её имя рядом с твоим.

Максим уже держал в руке шприц. Артём заметил слишком поздно. Укол в шею. Холод. Темнота.

Но в этот раз пепла не было.

Глава 8

Настоящая смерть

Артём открыл глаза не в своей комнате.

Он лежал на больничной койке. Мониторы пищали ровно. За окном был совсем другой день — осень, дождь, другие машины, другие облака. Запах больницы. Настоящий.

Рядом сидела Лия. Живая. Настоящая. С чёрными ногтями и усталыми глазами.

— Ты вышел, — тихо сказала она. — Максим тебя «закрепил». Но не так, как думал. Он хотел, чтобы ты исчез навсегда. А система... выбрала тебя как якорь. Ты стал тем, кто держит дверь открытой для остальных.

Артём попытался сесть. Тело слушалось плохо. Голова кружилась.

— А остальные?

— Они всё ещё там. Но теперь у них есть шанс. Потому что ты снаружи. Ты можешь... помнить. И возвращаться. Если захочешь.

Он посмотрел на свои руки. На левом запястье была тонкая чёрная линия — как шрам от перьевой ручки.

— Значит, я могу снова войти?

Лия кивнула. В глазах стояли слёзы, но она их не смахивала.

— Но каждый раз, когда тыходишь, кто-то из них может выйти. Или... кто-то может остаться навсегда. И я не знаю, что хуже.

Артём протянул руку. Лия вложила в неё свою. Пальцы переплелись.

— Тогда я вернусь, — сказал он. — За тобой. И за остальными. Если получится.

Она наклонилась и поцеловала его. На этот раз пепла на губах не было. Только тепло. Настоящее.

— Я буду ждать, — прошептала она. — Но не слишком долго. Внутри дни идут иначе.

Глава 9

Якорь

Вернуться оказалось проще, чем он думал.

Достаточно было взять в руки чёрную перьевую ручку, которая каким-то образом оказалась в тумбочке больничной палаты, и написать одно слово: «Вход».

Мир качнулся. Пепел снова появился на языке. И Артём открыл глаза в своей старой комнате. Утро Нулевого дня. Записка на столе:

Добро пожаловать обратно, якорь.

Сегодня умрёшь в 12:00.

Но можешь выбрать, кто умрёт вместо тебя.

Он нашёл Лию в кинотеатре. Она вскрикнула, когда увидела его, и бросилась в объятия.

— Ты вернулся. Ты действительно вернулся.

— Я же обещал.

Максим сидел в углу и смотрел на него с смесью страха и злости.

— Ты не должен был возвращаться, — сказал он. — Ты нарушил баланс.

Артём подошёл ближе.

— Ты пытался меня убить по-настоящему. Теперь моя очередь решать.

Близнецы стояли у стены. Аня смотрела с надеждой. Катя — с чем-то похожим на вину.

Лия взяла Артёма за руку.

— Есть кое-что, о чём я тебе не рассказывала, — тихо сказала она. — Про этот день. Про то, почему именно мы.

Она повела его в самое тёмное место кинотеатра — туда, где когда-то был экран. На стене угольком было написано несколько имён. Среди них — её. И его. И ещё пятеро.

— Мы не случайные люди, — сказала Лия. — Мы те, кто должен был умереть в этот день. По-настоящему. Но кто-то... или что-то... вмешалось. Создало этот осколок. Чтобы сохранить нас. Или использовать.

Артём провёл пальцем по своему имени.

— И что теперь?

— Теперь ты якорь. Ты можешь выбирать. Кто выходит. Кто остаётся. Кто умирает по-настоящему. Но каждый выбор имеет цену. И система будет сопротивляться.

Глава 10

Эхо

Они начали экспериментировать.

Артём, как якорь, мог «отпускать» людей. Первый, кого он попытался выпустить, была Аня. Она исчезла на рассвете, оставив сестру в слезах. Катя кричала, что это несправедливо, что они всегда были вместе.

На следующий день Катя попросила, чтобы её тоже отпустили. Артём согласился. Она ушла с лёгкой улыбкой и словами: «Найди Аню. Скажи, что я всё поняла».

Максим отказался. Сказал, что хочет найти способ выйти всем без жертв. И исчез сам — не через Артёма. Просто не вернулся после очередной смерти. Лия предположила, что он нашёл свой собственный выход. Или система забрала его.

Остались они вдвоём.

День за днём. Смерть за смертью. Поцелуи между смертями. Разговоры о том, что будет снаружи. Мечты, которые казались почти реальными.

Однажды Лия сказала:

— Если я выйду, а ты останешься якорем... ты сможешь меня найти?

— Найду, — ответил Артём. — Даже если придётся войти сюда ещё сто раз.

— А если я останусь, а ты выйдешь?

Он покачал головой.

— Я не выйду без тебя. Точка.

Она поцеловала его так, будто это был последний раз. А потом шепнула:

— Тогда давай ломаем систему вместе.

Глава 11

Слом

План был безумным.

Лия вспомнила слова Григория: выход требует, чтобы один умер по-настоящему. Но что, если оба умрут по-настоящему... и одновременно? Что, если якорь и тот, кого он держит, исчезнут вместе?

Максим когда-то говорил о «перезаписи». Артём, как якорь, мог влиять на записки. Они решили написать свою.

Взяли обе первые ручки. Сели в кинотеатре. И написали:

Сегодня мы умираем в 00:00.

По-настоящему.

Вместе.

Потом ждали.

Часы шли странно. Время то ускорялось, то замедлялось. За окном кинотеатра город будто таял — здания становились прозрачными, люди на улицах замедлялись, как статуи.

В 00:00 мир треснул.

Не метафорически. По-настоящему. Появилась та самая невидимая трещина, о которой говорили в начале. Только теперь её было видно. Чёрная, зияющая, с запахом пепла и звёзд.

Лия взяла Артёма за руку.

— Готов?

— С тобой — да.

Они шагнули в трещину вместе.

Глава 12

Снаружи

Артём открыл глаза в больничной палате. Снова. Но на этот раз рядом на соседней койке лежала Лия. Живая. Дышащая. С чёрными ногтями, которые уже начали сходить.

Врачи говорили что-то о странном двойном случае, о том, что оба поступили одновременно с одинаковыми симптомами, о чуде.

Артём повернул голову. Лия уже смотрела на него. И улыбалась.

— Мы вышли, — прошептала она.

— Кажется, да.

За окном шёл настоящий дождь. Настоящие машины. Настоящий город, который больше не был эхом.

Через неделю их выписали. Артём снял комнату на другом конце города. Лия осталась с ним. Они не говорили о Нулевом дне слишком часто. Но иногда по ночам Артём просыпался с лёгким привкусом пепла и видел, что Лия тоже не спит.

— Ты думаешь, оно ещё где-то есть? — спрашивал он.

— Эхо никогда не замолкает полностью, — отвечала она. — Но теперь оно наше. Мы можем выбрать, слушать его или нет.

Однажды утром на подоконнике снова лежала чёрная перьевая ручка. Рядом — записка. На этот раз почерком Лии:

Сегодня мы живём.

Просто живём.

И смотрим.

Артём улыбнулся. Взял ручку. И дописал внизу:

Вместе.

Потом они вышли на улицу. Настоящую. Где смерть была обычной, а любовь — настоящей. И где пепел на языке появлялся только если очень сильно этого хотеть.

Глава 13

После

Прошло три месяца.

Артём работал в небольшой мастерской, чинил старые часы. Лия устроилась в частную клинику — не хирургом, а консультантом. Говорила, что руки ещё помнят, но сердце уже не хочет резать.

По вечерам они гуляли. Иногда заходили в старый кинотеатр на окраине — тот самый. Он всё ещё стоял. Пустой. Но внутри больше не пахло пеплом. Только пылью и временем.

Однажды Лия остановилась у стены, где когда-то были написаны имена.

— Они стёрлись, — сказала она. — Все.

Артём обнял её сзади.

— Значит, история закончилась.

— Или только началась, — ответила она. — Настоящая.

Они постояли ещё немного. Потом вышли. На улице начинался дождь. Лия подняла лицо к небу и засмеялась — по-настоящему, без горечи.

Артём смотрел на неё и думал, что готов умирать и воскресать ещё тысячу раз, если в конце будет этот смех.

Но умирать больше не пришлось.

Только жить.

Глава 14

Эхо, которое осталось

Иногда, очень редко, Артём видел во сне остальных.

Григория, который сидел на скамейке в парке настоящего города и курил настоящую сигарету. Максима, который работал в какой-то IT-компании и больше не пытался взломать реальность. Близнецов — Аню и Катю, — которые жили вместе в другой стране и писали друг другу письма, хотя жили в одной квартире.

Он не знал, настоящие ли это сны. Или отголоски. Эхо.

Лия говорила, что неважно. Что главное — они здесь. Сейчас. Вдвоём.

Однажды ночью, когда дождь барабанил по крыше, она лежала головой у него на груди и тихо спросила:

— Если бы пришлось выбирать снова... ты бы выбрал так же?

Артём поцеловал её в макушку.

— Я бы выбрал тебя. Каждый раз. В любом дне. В любом эхе.

Она улыбнулась в темноте.

— Тогда всё правильно.

За окном город жил своей жизнью. Машины ездили. Люди ссорились и мирились. Кто-то рождался. Кто-то умирал обычной смертью.

А в одной квартире на окраине двое людей, прошедших через пепел и тьму, просто держались за руки и слушали, как дождь стирает последние отголоски Нулевого дня.

Эхо постепенно затихало.

Но любовь оставалась.

Настоящая. Не эхо.

Глава Эпилог

Чёрная ручка

Через год после выхода Артём нашёл на чердаке старого дома небольшую деревянную шкатулку. Внутри лежала чёрная перьевая ручка. Та самая. И стопка чистых листков.

Он принёс её Лие. Она долго смотрела на ручку, потом на него.

— Хочешь проверить? — спросила она.

— Нет, — ответил Артём. — Больше нет.

Они положили ручку обратно в шкатулку. Заперли. И отнесли в самый дальний угол подвала.

Иногда по ночам Артёму казалось, что он слышит, как перо чуть слышно скребёт по бумаге где-то далеко. Но он только крепче обнимал Лию и засыпал.

Потому что теперь у него было то, ради чего стоило пройти через все смерти.

Не эхо.

А голос.

Её голос. Который говорил каждое утро:

Сегодня мы живём.

И этого было достаточно.

— КОНЕЦ —

Глава 15

Воспоминания пепла

После выхода Артём долго не мог привыкнуть к тому, что утро наступает само. Без записок. Без пепла. Без обратного отсчёта.

Он просыпался и ещё несколько секунд лежал неподвижно, ожидая знакомого вкуса на языке. Но во рту была только обычная утренняя сухость. Лия спала рядом, раскинув руку через его грудь. Её чёрные ногти уже почти сошли. Она перестала их красить.

— Ты снова не спишь, — пробормотала она, не открывая глаз.

— Привыкаю, — ответил он. — К тому, что можно просто лежать.

Она придвинулась ближе. Потёрлась носом о его плечо.

— Я тоже. Иногда мне снится кинотеатр. И Григорий. И то, как Максим смотрел, когда понял, что проиграл.

Артём гладил её волосы.

— Они вышли. Мы же видели их во снах.

— Сны могут врать. Как и записки.

Они лежали в тишине. За окном начинал светлеть настоящий рассвет — медленный, обычный, без трещин в небе.

— Знаешь, что самое странное? — вдруг сказала Лия. — Я почти скучаю по тому вкусу. По пеплу. Он был ужасным. Но он был... нашим. Доказательством, что мы ещё внутри. Что история не закончена.

Артём поцеловал её в висок.

— История не закончена. Просто теперь она пишется иначе.

Она улыбнулась. И впервые за долгое время эта улыбка была полностью свободной от горечи.

Глава 16

Письмо, которого не было

Через полгода после выхода Артёму пришло письмо. Без марки. Без обратного адреса. Просто конверт в почтовом ящике.

Внутри — один лист. Почерк, который он узнал бы из тысячи: тонкий, с лёгким наклоном. Почерк Лии. Но Лия сидела в соседней комнате и пила чай.

Если ты это читаешь — значит, эхо всё ещё живо.

Не бойся. Просто помни: некоторые двери закрываются только с одной стороны.

А некоторые — никогда.

Артём стоял посреди кухни и смотрел на лист. Руки слегка дрожали.

Лия вошла, увидела его лицо и сразу поняла.

— Покажи.

Он протянул письмо. Она прочитала. Дважды. Потом медленно сложила.

— Это не я, — сказала она. — Я бы написала иначе. И я бы не стала пугать тебя.

— Тогда кто?

Лия молчала долго. Потом ответила:

— Может, сам день. Может, то, что осталось от него. Эхо иногда говорит само.

Они сожгли письмо в раковине. Смотрели, как бумага чернеет и превращается в настоящий пепел. На этот раз привкус во рту не появился.

Но той ночью Артёму снился кинотеатр. Пустой. И на экране большими буквами горело:

МЫ ЕЩЁ ЗДЕСЬ.

Он проснулся в холодном поту. Лия обняла его, не задавая вопросов. Просто держала, пока дыхание не выровнялось.

— Мы здесь, — прошептала она. — Настоящие. Помни это.

Глава 17

Встреча

Они встретили Катю совершенно случайно.

В парке. Обычный воскресный день. Артём покупал кофе, Лия рассматривала уличных музыкантов. И вдруг услышала знакомый голос:

— Аня, подожди меня!

Лия обернулась. Катя стояла в нескольких метрах. Живая. С той же серебряной цепочкой на шее. Рядом — Аня, которая смеялась и тянула сестру за руку.

Катя заметила их. Замерла. Потом медленно подошла.

— Вы... вы тоже вышли, — сказала она. Голос дрожал.

Лия кивнула. Артём молчал, чувствуя странное сжатие в груди.

— Мы думали, что вы остались, — продолжила Катя. — Или хуже. Мы искали вас. Через сны. Через... странные вещи.

Аня подошла и обняла Лию коротко, крепко.

— Спасибо, — просто сказала она. — За то, что отпустили.

Они посидели на скамейке час. Говорили мало. В основном молчали. Но это молчание было тёплым. Похожим на те вечера в кинотеатре, только без страха.

Перед тем как уйти, Катя сняла цепочку с ключиком и протянула Артёму.

— Это было частью дня. Теперь оно тебе. На всякий случай.

Артём хотел отказаться, но Лия тихо сказала: «Возьми». Он взял.

Ключик был тёплым. И совсем лёгким.

Глава 18

Ключ

Ключик от Кати оказался не просто украшением.

Однажды ночью, когда Лия работала в позднюю смену, Артём сидел дома и крутил его в пальцах. Металл был тёплым. Слишком тёплым для обычного серебра.

Он вспомнил шкатулку в подвале. Чёрную ручку. И вдруг понял, что ключик... подходит.

Сердце заколотилось. Он спустился в подвал. Открыл шкатулку. Внутри, на бархатной подкладке, которую он раньше не замечал, было крошечное замочное отверстие.

Ключик вошёл идеально. Повернулся с тихим щелчком.

Внутри, под ручкой, лежал ещё один лист. Старый, пожелтевший. На нём — тот самый тонкий почерк, но более дрожащий:

Если ты это читаешь — значит, дверь всё ещё можно открыть.

Но только вместе.

Один якорь не справится.

Двое — могут изменить эхо навсегда.

Артём стоял в подвале и чувствовал, как пепел снова появляется на языке. Слабо. Как воспоминание.

Он поднялся. Дождя Лию. Показал всё.

Она долго молчала. Потом сказала:

— Мы можем оставить это закрытым. Просто жить. Как обещали.

— А можем закончить совсем, — ответил Артём. — Чтобы никто больше не просыпался с пеплом.

Лия посмотрела на него. В глазах был страх. И любовь. И та самая усталость, которую он увидел в ней в первый день.

— Тогда давай закончим, — тихо сказала она. — Вместе.

Глава 19

Последний вход

Они вошли вместе.

Взялись за руки. Артём написал на листке одно слово: «Конец». Лия поставила рядом свою подпись — просто чёрный мазок, как ноготь.

Мир качнулся. Пепел обжёг язык. И они снова оказались в кинотеатре. Пустом. Тёмном. Но на этот раз на экране горело их отражение — двое, держащихся за руки.

Голос, который не принадлежал никому из них, произнёс:

— Якорь вернулся. С парой. Выбор?

Артём шагнул вперёд.

— Мы выбираем закрыть день. Полностью. Чтобы никто больше не застрял.

— Цена? — спросил голос.

Лия ответила первой:

— Мы уже платили. Теперь ваша очередь отпустить.

Экран вспыхнул. Трещина в реальности появилась снова — но на этот раз она начала затягиваться. Медленно. Как рана.

Артём чувствовал, как что-то тянет его назад. Лия сжимала его руку так сильно, что болели кости.

— Не отпускай, — прошептала она.

— Никогда.

Последнее, что они увидели перед тем, как тьма стала светом, — как имена на стене окончательно исчезли. И как пепел на языке превратился в обычный воздух.

Глава 20

Тишина

Они проснулись в своей постели. Обычное утро. Обычный свет. Никаких записок. Никаких ручек на подоконнике.

Артём посмотрел на запястье. Чёрная линия-шрам исчезла.

Лия посмотрела на ногти. Они были обычными. Розовыми.

— Закончили? — спросил он.

— Закончили, — ответила она.

Они лежали ещё долго. Слушали тишину. Настоящую. Без эха.

Потом Лия сказала:

— Я хочу кофе. Настоящий. Из той кофейни у парка.

Артём улыбнулся.

— Пойдём.

Они вышли. Взялись за руки. И больше никогда не оглядывались на тот день, который пытался их удержать.

Эхо замолчало.

А они — заговорили. О будущем. О мелочах. О том, куда поехать летом. О том, что можно просто быть.

И этого, наконец, оказалось достаточно.

* * *

Роман окончен.

Глава дополнительная 1

Артём шёл по улице, которая никогда не менялась. Те же витрины, те же трещины в асфальте, тот же запах бензина и мокрой листвы. Но теперь, когда он был якорем, улица будто чувствовала его. Иногда фонари мигали в такт его шагам. Иногда тени двигались чуть быстрее, чем должны были.

Лия шла рядом. Её рука в его ладони казалась единственным настоящим якорем в этом мире-эхе.

— Ты чувствуешь? — спросила она тихо. — Оно сопротивляется.

— Да. Но мы сильнее.

Они дошли до кинотеатра. Внутри было темнее обычного. Экран светился слабым серым светом. На нём медленно проявлялись слова:

«ЯКОРЬ И ПАРА. ВЫБОР НЕОБРАТИМ.»

Артём сжал руку Лии крепче.

— Мы уже выбирали. Теперь доводим до конца.

Лия кивнула. Её глаза блестели в полутьме.

— Я боюсь. Не за себя. За то, что после этого может не быть «после».

— Будет. Потому что мы это создадим.

Они подошли к экрану. Артём достал чёрную ручку. Лия — свою. Вместе они написали на пыльном полу одно слово:

«ЗАКРЫТЬ».

Мир дрогнул. Пепел поднялся с пола, закружился вокруг них вихрем. В ушах зазвенело. Артём увидел вспышки — другие версии этого дня, другие смерти, другие версии себя и Лии. В одной из них они уже были счастливы снаружи. В другой — остались здесь навсегда, превратившись в часть эха.

Он выбрал первую.

Лия выбрала вместе с ним.

Вихрь усилился. Потом внезапно стих. Наступила тишина. Настоящая. Абсолютная.

Когда они открыли глаза, кинотеатр исчез. Вокруг была обычная улица. Обычный день. Обычные люди, которые не знали, что только что реальность чуть не треснула окончательно.

Артём посмотрел на Лию. На её лице не было пепла. Только лёгкая улыбка и слёзы.

— Мы дома, — сказала она.

— Да. Наконец-то.

В этот раз выбор был ещё тяжелее. День номер 3 внутри эха казался бесконечным. Они разговаривали часами о прошлом, о котором почти ничего не помнили, о будущем, которого ещё не существовало. Лия рассказывала о пациентах, которых не смогла спасти. Артём — о пустоте, которая была до Нулевого дня. О том, как пепел стал единственным, что имело вкус.

Они целовались под мигающими лампами. Спорили. Мирились. Планировали побег, который на этот раз должен был сработать. И каждый раз система находила новый способ их остановить — обрушение, внезапная болезнь, случайный выстрел, который приходил из ниоткуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.